

M I N I F E S T

285-1

Журнал мінскага фестывалю саміздата

2008

Возвращено из Спецхрана

история отдела специального хранения на примере фондов Российской национальной библиотеки и Дома Плеханова

История самиздата и создания отделов специального хранения особая, интересная страница в истории издательского дела, истории книгохранилищ и архивов СССР. Необходимо отметить, что самиздат и литература ограниченного доступа, в том или ином виде, были и есть во все времена и во всех странах. Если говорить о самиздате и спецхране как «порождении эпохи СССР с всемогущим Главлитом»*, то это в корне неверно. Самиздат и спецхран начали свою историю примерно с начала 19 в. в самодержавной России и отличались они от советских времен только содержанием, сама же история цензуры имеет началом раннее средневековье, а в принципе, - со времени изобретения письменности. В любое государство разрабатывает и осуществляет свою информационную политику, зависящую от политического режима. Самиздат появляется как реакция на цензурный барьер. В изучении истории цензуры и такого явления как самиздат нужно проследить цепочку: политический режим - режим и практика цензуры - информационная политика - режим доступа к информации.

Самиздат в России - понятие, существовавшее до революции 1917 г. и названное в нашей историографии красивым словосочетанием: Вольная русская печать. Это были бесцензурные издания антисамодержавного, главным образом революционного и демократического направления, печатавшиеся вне пределов

Российской империи в сер. 19 - нач. 20 вв., в широком смысле это все издания, появлению, которых в России препятствовала цензура.

Вольная русская печать и подпольная печать были частью деятельности революционной эмиграции, революционных групп и организаций внутри страны.

Например, ода Радищева «Вольность», стихотворение Лермонтова «На смерть поэта» и комедия Грибоедова «Горе от ума», распространяемые в рукописных списках. Это: «Катехизис русского народа», написанный Головиным и изданный в Париже в 1849 г., издания Герцена и Огарева «Полярная звезда», «Голоса из России», «Колокол», «Общее вече», отпечатанные в Лондоне в Вольной русской типографии, Издания «Группы старых народовольцев», «Фонда вольной русской прессы», Группы «Освобождение труда» и т. д. К подпольным (самиздатовским) изданиям относятся и листовки, прокламации, брошюры народовольческих, социал-демократических, марксистских и рабочих организаций, изданные в подпольных типографиях, отпечатанные на линотипах, мимеографах, гектографах.

Так что самиздат это не открытие СССР.

Не открытие СССР и отделы специального хранения. Такие отделы или собрания, в том или ином виде, есть во всех мировых библиотеках и книгохранилищах. В России образование спецхрана, также

как и самиздата, относится к началу 19 в.

В Императорской Публичной библиотеке* открытой 14 января 1814 г., был свой спецхран - коллекция Вольной русской печати. Уже с первых лет деятельности Публичной библиотеки в составе ее фондов было образовано секретное отделение для хранения запрещенных книг и рукописей. Алексей Николаевич Оленин, историк, археолог, почетный член Академии художеств, государственный деятель и первый директор Императорской Публичной библиотеки, постоянно и настойчиво внушал библиотекарям, что «необходимая, для общей пользы и спокойствия, строгость цензуры не позволяет выдачу книг без разбора, по требованиям посетителя**».

Как либералы, так и реакционеры сходились «на убеждении, что на правительстве лежит обязанность давать направление общественной мысли и подносить ей сообразную с обстоятельствами пищу**».

Первая генеральная проверка «благонадежности» фондов Публичной библиотеки была проведена по распоряжению Оленина в октябре 1835 г., когда книги всех отделений были сверены с цензурными списками и обнаруженные в наличии запрещенные издания были переданы в секретное отделение. Правительство, не без внушения Оленина, начинает усваивать взгляд на

*Цитата из приглашения на «Открытую лекцию о самиздате».

*Российская национальная библиотека является её преемницей (прим. ред.).

*Цит. по: История Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 95.

**Там же. С. 96.

секретное отделение как на своего рода государственный тайный архив русской печати, где в обязательном порядке должны были сосредоточиваться, надежно скрытые от посторонних глаз, произведения русского печатного станка, которые казались правительству негодными и вредными, или уже изначально не предназначались для широкого распространения. Например, в 1834 г. в это отделение было передано 12 экземпляров книги «О должностях человека и гражданина», изъятой по цензурным соображениям из библиотек и подвергнутой массовому уничтожению.

Основным источником комплектования секретного отделения были цензурное ведомство; таможня, с которой поступали зарубежные издания, задержанные при таможенных досмотрах; полиция, направлявшая издания, отобранные при арестах. Использование цензурой в 60-90-х гг. с благословения закона, в качестве меры наказания, простого физического уничтожения книг побудило Публичную библиотеку, ссылаясь на свое право получать все печатаемое в стране, добиться от правительства издания в 1867 г. особого распоряжения об обязательной доставке в ее фонды по одному экземпляру всех сочинений, приговоренных к уничтожению.

Кроме того, секретный отдел пополнялся за счет покупки - библиотека через своих иностранных комиссионеров скупала эмигрантскую литературу.

Но, пожалуй, наиболее интересным источником пополнения этого отделения был дар. Имена приносивших запрещенную литературу в дар библиотеке, как правило, исходя из мер предосторожности, оставались неизвестными. Библиотека получала посылки

из-за рубежа, а участники подпольных групп, рискуя быть узванными, подбрасывали конверты с революционными изданиями в почтовый ящик, вывешенный специально для этого на дверях Публичной библиотеки. По словам одного из организаторов типографии «Народной воли» Буха, подпольщики и руководствовались стремлением сохранить для потомства ценнейшие материалы по истории революционного движения в России*.

Выдающуюся роль в пополнении секретного фонда сыграл историк искусства, критик, заведующий художественным отделением Публичной библиотеки Владимир Васильевич Стасов. Приверженец демократических идей, Стасов пользовался в революционных кругах большим уважением и доверием. Ему присылали издания Герцен, Лавров, Кропоткин и многие другие участники общественно-политических движений.

Перечисленные пути комплектования секретного отделения сохранялись вплоть до революции 1917 г.

История цензуры, становление системы Главлита в СССР - это большая интересная тема, исследованию которой ныне посвящаются монографии и научные конференции. Так, например, эти вопросы рассматривались на международной научной конференции «Цензура и доступ к информации: история и современность», состоявшейся в Петербурге в марте 2005 г.**.

В докладах, посвященных истории цензуры 20 в., раскрыта роль советской цензуры как инструмента подавления каких бы то ни было действительных или мнимых

советских оппозиций и самой возможности их возникновения. Парадоксально, но именно этот цензурный режим способствовал развитию и функционированию в обществе оппозиционного самодетельного информационного потока, охватившего и привлекшего к себе усилия разных социальных групп. В результате мы имеем такое яркое и мощное явление как самиздат.

Здесь необходимо отметить, что истории цензуры уделяется большое внимание, а история спецхранов остается несколько в тени. Упоминание имен Оленина и Стасова не случайно: в сохранении запрещенных и самиздатовских изданий большую роль играют не только те, кто издает и естественно пытается уберечь их от полного уничтожения, но и те, кто официально, по долгу службы, является хранителем изданного. В этой связи хочется добрым словом упомянуть советских библиотекарей, в частности сотрудников Публичной библиотеки, которые хранили запрещенную литературу. Иногда, получая от вышестоящих органов приказ об уничтожении изданий, они, рискуя быть исключенными из партии или попасть под кадровую чистку, прятали издания в спецхран, сохраняя их для истории.

В истории нашей охранительной системы была и такая мера как вычеркивание из книг имен репрессированных, вырывание страниц с указанием их имен. Это касалось книг, к содержанию которых не было придинок, и зачастую очень ценных в научном смысле. В Доме Плеханова много таких книг. Есть экземпляры томов собрания сочинений Г. В. Плеханова (М.; Л., 1923-1928) с зачеркнутым именем и вырванными страницами предисловий к томам, подписанными редактором этого собрания Давидом Борисовичем Рязановым.

*Бух Н. К. Первая типография «Народной воли» // Каторга и ссылка. 1929. № 57/58. с 75-76.

**«Цензура и доступ к информации: История и современность»: Тез. докл. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 16-18 марта 2005 г. СПб., 2005. 126 с.

Рязанов - профессиональный революционер, член РСДРП, академик АН СССР, лауреат Ленинской премии - был арестован в 1931 г. и сослан в Саратов, в 1937 г. вновь арестован и расстрелян. То же касается и книг, принадлежащих перу Ваганяна Вагаршака Арутюновича, библиографа, автора до сих пор не теряющей своего значения библиографии Плеханова, расстрелянного в 1936 г. Кстати, его книги «Опыт библиографии Г. В. Плеханова» (М.; Пг., 1923) и «Г. В. Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений» (М., 1924) в 1990 г. были возвращены в фонд Дома Плеханова из Отдела специального хранения Публичной библиотеки.

До 1948 г. в Доме Плеханова существовал собственный спецхран, так называемый «секретный шкаф». Точной даты его организации не сохранилось, но есть акт от 13 мая 1935 г. «о вскрытии секретного шкафа с изъятой литературой» для добавления в него новых «арестантов». Был составлен новый список запрещенных изданий, и шкаф был вновь опечатан. До 1935 г. под арестом были книги Зиновьева, Каменева из личной библиотеки, Томского, Алексинского, Рязанова и др. из подсобной библиотеки. В 1935 г. к ним прибавились книги Ивановича, Милюкова, Зензинова, некоторые издания работ Каутского, эмигрантская периодика «Социалистический вестник», «Воля России» и др., социал-демократическая «Заря», литографированные издания Всероссийского правительства в Сибири, Российского земско-городского комитета помощи Российским гражданам за границей, кронштадтские листовки 1921 г., книги о Г. В. Плеханове, изданные в 1917-1924 гг.

В 1938, а затем в 1939 годах к собранию секретного шкафа прибавились книги: из личной библиотеки - Троцкого («До 9

января», «Туда и обратно», «Наши политические задачи», «Конституция»), Раковского («Наши разногласия»); из архива Плеханова - рукопись Бухарина «Теория распределения Туган-Барановского», часть переписки. Из подсобной библиотеки - «Хрестоматия по истории РКП» 1925 г., книги Гордона «Система советского торгового права» (1924), Горева «Сословие, класс, партия» (1917), Ярославского «Разгром народничества» (1937), сборник «Памяти К. Маркса» (1933), 5 и 6 номера журнала «Под знаменем марксизма» за 1925 г. и др*.

После окончания Великой Отечественной войны и возвращения фондов из эвакуации секретный шкаф был уничтожен и книги из него переданы в Отдел специального хранения библиотеки. В 1948 г. по очередному приказу Главлита по изъятию вредной в идеологическом отношении литературы из Дома Плеханова было передано в спецхран 194 названия, в том числе 23 из личных книг Р. М.** и Г. В. Плеханова и 70 единиц из архива. Далее следовали передачи 1949, 1953, 1954, 1955, 1959, 1960, 1961 годов, последняя передача 1962 г. (книга, посвященная И. В. Сталину) всего 486 названий***

После закрытия Отдела специального хранения в 1989 г. была проведена работа по возвращению книг и рукописей в фонд Дома Плеханова. К сожалению, все вернуть не удалось. Часть рукописей сразу после изъятия из архива была передана в Центральный партийный архив. Некоторые издания из фонда Дома Плеханова поступили в спецхран позднее изданий из

*РНБ АДП. Фонд «История Дома Плеханова»; РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 842.

**Розалия Марковна Боград-Плеханова (1856-1949) жена Георгия Валентиновича Плеханова, первая заведующая Дома Плеханова (прим. ред.).

***Архив РНБ. Коллекция Отдела специального хранения.

основного фонда и были уничтожены как вторые, третьи экземпляры. В 1950-е годы были сданы в макулатуру оттиски, в том числе все оттиски из фонда Дома Плеханова, многие из которых имели дарственные надписи и текстовые пометы авторов, текстовые и читательские пометы Р. М. Плехановой.

Гонениям по политическим мотивам подвергались не только книги, но и такие источники информации как каталоги и картотеки. Был ограничен доступ к генеральным каталогам Публичной библиотеки - алфавитному и систематическому. Была уничтожена в ходе Ленинградского дела картотека «Ленинград в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», над которой велась работа в годы блокады Ленинграда*.

В архиве Российской национальной библиотеки в фонде Отдела специального хранения в материалах «по очистке фондов и каталогов ГПБ от идеологически вредной литературы» имеется постановление: до 4 ноября 1952 г. «опечатать картотеку «Плехановиана» и приступить в дальнейшем к ее изучению по содержанию», в дополнение к этому, до особого распоряжения, Дом Плеханова был закрыт для доступа читателей, выполнялись только некоторые библиографические запросы**.

«Плехановиана» - уникальный справочный аппарат Дома Плеханова, представляющий собой единый персональный комплекс, дающий ответы на такие вопросы, как, что и когда издано из трудов Г. В. Плеханова, кем, что и когда написано о нем. Работа над ним была начата в 1929 г. и, с некоторыми

*Коц Е. С. «На мою долю выпал счастливый лотерейный билет»: Отрывки из воспоминаний Е. С. Коц // Исторический архив. М., 1999. № 3. С. 98.

**Архив РНБ. Коллекция отдела специального хранения. Дело № 96 (ОСХ).

перерывами, ведется по сей день. Можно представить себе, что было бы, если бы подобное «изучение» состоялось. Уже говорилось о том, что почти все работы о Плеханове, написанные с 1917 г. до конца 1920-х годов, были переданы в спецхран. Во-первых, большинство авторов этих изданий были репрессированы, во-вторых, начавшиеся в 1930-е годы пересмотр и критика взглядов Плеханова делали эти издания идеологически неприемлемыми и вредными. Но сведения о них остались в «Плехановиане», и в ходе «изучения» они могли быть уничтожены. К счастью, к «изучению» не приступили, и близился 1956 г. - год столетия со дня рождения Г. В. Плеханова. Несмотря на всю ту критику, которая обрушилась на его произведения, было очевидно то, что они были величайшим вкладом во многие отрасли знания. Своеобразным оберегом для произведений Плеханова и его имени служили слова В. И. Ленина из статьи «Еще раз о профсоюзах»: «... нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать именно изучать все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»*.

Столетие со дня рождения Плеханова было широко отмечено научной общественностью. Но изъятия литературы, как уже упоминалось, происходили до 1962 г.

В 1989-1991 гг. сотрудниками была проведена работа по возвращению изданий и архивных документов в фонд Дома Плеханова.

Рассматривая сейчас историю самиздата как порождения

цензуры, необходимо ответить на вопрос: Существует ли возможность реставрации цензуры? На это в своем докладе на конференции «Цензура и доступ к информации» на примере России попытался дать ответ сотрудник СПб. университета культуры и искусств А. В. Блюм*. Он отметил, что прямого, однозначного ответа на это нет, но события последних лет заставляют предполагать, что такая опасность существует, и более того: необходимость восстановления цензуры совпадает с настроениями большей части населения, во мнении которой цензура ассоциируется с «порядком», который следует навести.

Наметившиеся в последние 3-4 года тенденции заставляют с беспокойством следить за состоянием свободы слова и стремлению власти всячески сузить пространство свободы.

Методы, используемые для этого:

- использование административных ресурсов (подкуп одних СМИ и экономическое давление на другие);
- исключение из федеральных программ книгоиздания;
- отказ в предоставлении радиочастот или телеканалов;
- отказ в аккредитации неугодных СМИ;
- отказ гос. чиновниками в предоставлении информации;
- применение криминальных методов борьбы с оппозиционными журналистами и т. п.;
- внутриведомственный контроль и самоцензура;
- охрана так называемых «гостайн»; унаследованная от Советского Союза традиция умалчивания, дозировки информации, сокрытие истинного положения вещей.

Герцен в середине 19 в. заметил, что «недостаточно свободы слова: нужна еще свобода слуха». К сожалению последняя в настоящее время в нашем обществе почти отсутствует. Тотальная глухота власти и подданных сводит все критические выступления почти к нулю.

Власть создает видимость свободы, позволяя некоторым СМИ некоторую степень свободы и даже острую критику в свой адрес. Но рассчитаны эти СМИ на узкий круг оппозиции, когда же речь идет о таких средствах информации, которые действительно оказывают влияние если не на общественное мнение, то хотя бы на сиюминутные настроения общества, изящно прозванного электоратом, то эти прагматические игры тотчас заканчиваются. Особенно это относится к телевидению: власть поняла, что тот, кто владеет им, владеет человеческой глупостью.

Любые прогнозы по поводу свободы слова и печати у нас бессмысленны все зависит от изменения социально-политической ситуации.

В связи с этими довольно неутешительным настоящим и весьма непредсказуемым будущим, хочется напомнить историю фонда Вольной русской печати и призвать - деятели самиздата, члены общественно-политических и различных оппозиционных движений, участники протестных акций направляйте ваши издания в национальные книго- и архивохранилища. Это гарантирует сохранение документов истории и сохранит дыхание времени для будущего.

*Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 290.

*Блюм А. В. Существует ли возможность реставрации цензуры в России? // Цензура и доступ к информации ... СПб., 2005. С.8890.